ошибка — «лучеж» вместо «луцеж». Это лишнее подтверждение того, что В. Ганка пользовался работой И. Юнгманна. В. Ганка, как и И. Юнгманн, работал под влиянием И. Добровского. Ему В. Ганка посвятил свой труд: «Его высокопреподобию Иозефу Добровскому, члену многих ученых обществ, славянства патриарху».

Письма В. Ганки к А. С. Шишкову говорят о том, что Добровский был посредником между ними. Книги, присылаемые из России, Ганка получал от Добровского, он имел возможность читать даже письма Шишкова и Добровского (см. письмо от 8 (20) мая 1820 г.[27]).

Одно из примечаний В. Ганки напоминает фразу из письма Добровского к Шишкову от 11 февраля 1820 г.[28] у Ганки: «Истягну ум крепостию своею... nen í препоясал, препоясать též i стягнути можно чресла (trísla, bedra) ум toliko стягнути, t. j. sebrati, sammeln, spannen...».[29]

В письме И. Добровского: «Истягну ум представляет совершенно другое понятие, нежели препоясал ум; он (Я. Пожарский, — *А. П.*) худо принял стягну за истягну» (перевод письма Добровского на русский язык сделан самим А. С. Шишковым). Письмо это написано в то время, когда В. Ганка, вероятно, уже занимался подготовкой к изданию: в письме от 8(20) мая он пишет, что издает «Слово о полку Игореве». Вполне возможно, что В. Ганка взял свое примечание прямо из письма И. Добровского.

Исторические примечания у В. Ганки большей частью неопределенны: «Glebů bylo několik, pročež se určiti nemůže, který se zde míní... Swatopolků bylo mezi ruskými knížaty pět, o kterém zde řeč jest, těžko určiti»[30] (примечания эти — почти дословный перевод примечаний первого издания; по-видимому, они взяты из книги А. С. Шишкова).

В русском предисловии к своей работе В. Ганка пишет: «Кто бы хотел Царедворскую рукопись Старо-Ческу с Игорем сравнивать, за верно бы нашел много сходства, не токмо в словных выражениях, но, более того, в самом духе древности и мышлении, как н[а]п[ример] героической песни Олдрих и Болеслав с заключением Игоря совсем сходно».[31] С помощью Краледворской рукописи В. Ганка комментировал «Слово о полку Игореве» и, наоборот, пояснял Краледворскую рукопись, опираясь на текст «Слова».[32]

Уже самое беглое рассмотрение знаменитых «подделок» дает возможность предположить, что «Слово» послужило материалом для них. Вот некоторые примеры. В песне «Jaroslav»: «Váleno deň, váleno deň vterý» (в «Слове»: «Бишася день, бишася другый»). Герои подделок сравниваются с «ярым туром», как Всеволод в «Слове»: «Tu Vratislav jak tur jarý skočí... Hrudoš zarve jarým turom».

В «Любушином суде» часто встречается „oteň zlat stól“ («stól oteň», «s otnia zlata stola»). Влтава говорит, как и Донец в «Слове о полку Игореве», и т. д.[33]

Использование В. Ганкой «Слова» в качестве материала для подделок не было случайным, если учесть, что подделки в какой-то степени имели цель указать близость славянских наречий между собою (А. С. Шишков

---

[27] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. II, стр. 388—389.
[28] Записки, мнения и переписка А. С. Шишкова, т. II, стр. 372—376.
[29] Igor Swatoslawič... Od Waclawa Hanky, стр. 50.
[30] Igor Swatoslawič... Od Waclawa Hanky, стр. 44, 48.
[31] Igor Swatoslawič... Od Waclawa Hanky, стр. XII.
[32] Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, стр. 1196—1197.
[33] Polyglotta Kralodvorského rukopisu, стр. 23, 29, 115.